

АРИОНЪ ПУШКИНА.

Наперснику боговъ не страшны бури злая;
Надъ нимъ ихъ промысль, высокій и святой.

Пушкинъ

Къ какимъ дѣламъ благоволятъ Богъ, тѣмъ
и вся тварь содѣйствуетъ; а отъ которыхъ
Онъ отвращается, тѣмъ и вся тварь проти-
вится.

Марья Подвижница

Въ далекихъ даляхъ прошлаго, едва доступныхъ пытли-
вости человѣка, великіе маги пѣли свои заклинанія. Они хо-
тѣли воплотить въ звучащихъ словахъ тайную жизнь духовъ,
властителей міра, хотѣли подчинить себѣ самую волю неви-
димыхъ силъ . . .

Маговъ не стало, но пѣсня не умерла. Рожденная стремле-
ніемъ человѣка къ невѣдомому, она вновь расцвѣла у *грече-
скихъ* алтарей. Въ ней душа смертнаго молилась божеству
просила у него знанія, милости и защиты; и боги открывали
пѣвцамъ свои тайны, оберегали ихъ отъ бѣдъ и зла . . . *Пѣвецъ
есть слугитель и любимецъ боговъ*. — такъ думаетъ грекъ въ
миѣ обь Аріонѣ.

Шли времена. — все глубже и богаче становилась природа
пѣсни. Человѣку открылось духовное естество Высшей Силы,
онъ позналъ ея присутствіе въ своей душѣ, и пѣсня зазвучала
для него, какъ *отзукъ божьихъ глаголовъ*, подслушанныхъ въ
глубинѣ поющего сердца, какъ голосъ Вѣчнаго въ шумѣ зем-
ныхъ голосовъ. Духовныя очи пѣвца стали различать незри-
мое: за дымной пеленой повседневнаго бытія имъ явился иной
міръ, подлинный и совершенный; въ простомъ земномъ пред-
метѣ они увидѣли мысль и любовь Творца . . .

Пѣвецъ есть *божье дитя*. Одержимый духомъ, онъ видитъ неизмѣнную правду, о ней поетъ, и пѣсня бережетъ его и спасаетъ.

Такъ думаетъ русскій поэтъ въ поэмѣ объ Аріонѣ. Пѣсню утверждаетъ Пушкинъ *святость пѣсни*. Мистеріей — возвѣщаетъ о мистеріи.

Настъ было много на челигѣ:
Иные парусъ нацрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ
На руль склоняясь, чашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Летовцамъ я пѣлъ... Вдругъ лону волнъ
Измятъ съ палету вихоръ шумный...
Почибъ и кормщикъ и летовецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На беретъ выброшевъ прозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Въ чемъ же спасающая правда пѣсни Аріона?

Для того, чтобы овладѣть этой правдой, надо помнить, что пѣсни Пушкина, подобно созданіямъ природы, окутаны тѣнями несчетныхъ міровъ и, въ образѣ малой части, говорятъ обо всемъ, обнимающемъ ее, великомъ цѣломъ. «Словъ немного». — пишетъ о Пушкинѣ Гоголь. — «но они такъ точны, что обозначаютъ все. Каждое слово необъятно, какъ поэтъ». Надо помнить, что въ ясной глубинѣ этихъ пѣсенъ обитаетъ *сила, незримо созидаящая жизнь вселенной*.

Эта сила скрыта такъ, что ее не видитъ земное око, не слышитъ слабый и разсѣянный слухъ суетной души. Она тамъ, гдѣ не началось еще и уже кончилось время, гдѣ все старо, какъ вѣчность, и юно, какъ прозябающій подспѣжный цвѣтокъ. Поэтъ находитъ ее, «въ нѣмой тѣни дубовъ», въ прохладѣ лишь, на берегу пустынномъ, въ заоблачной кельѣ горнаго монастыря. Ея огонь—въ мрачной душѣ демона, впервые умиленной сіяніемъ красоты; она близка и тому, кто томится духовною жаждой. Она вездѣ: она одѣваетъ траву полевою, питаетъ птицъ небесныхъ и *говоритъ устами избранныхъ людей*.

Для того, чтобы понять пѣсни Пушкина, надо помнить, что *надмірною духовною силою* сотканы ткани ея прекрасныхъ одеждъ. Подобно тому, какъ зерно таитъ въ своей простотѣ — и нѣжныя формы, и благоуханное убранство новыхъ цвѣтовъ, такъ лучъ откровенія, зажженный Божіимъ Духомъ въ душѣ поэта, несетъ въ себѣ благодатное цвѣтеніе пѣсни. Озаренная новымъ огнемъ, душа пѣвца такъ находитъ слова и такъ вяжетъ ихъ въ стихи и строфы, что пробужденныя ими мысли, образы и напѣвы — все даетъ отблескъ нездѣшняго свѣта. творить новый міръ на старой землѣ.

Понять пѣсню Пушкина — это значить услышать и уразумѣть въ ея тайной музыкѣ тотъ единый звучащій лучъ, который прожегъ вдохновенное сердце поэта и разсыпался въ стронныхъ видѣніяхъ и окрыленныхъ ритмомъ словахъ.

Божій лучъ, горящій въ «Аріонѣ», есть откровеніе о *спасеніи пѣвца върою*. Пѣвецъ спасенъ потому, что онъ *правъ*, а правъ онъ потому, что *въра* поетъ его пѣсню.

Душа вѣрится тогда, когда всѣмъ бытіемъ своимъ переживаетъ присутствіе Бога. Въ Немъ ея мысли, отъ Него ея воля, къ Нему ея любовь. Въ единеніи съ Нимъ она не печется о многомъ, ибо одно только ей нужно; и, полная Имъ, она свидѣтельствуеетъ о Немъ.

А я — безпечной вѣры полнь —
Пловцамъ я пѣль...

Одинокое божье дитя въ пустынномъ мертвомъ мірѣ... То приобщеніе души вѣчному началу, которое создается опытомъ *въры*, не уводитъ человека отъ земного бытія. Душа, исполненная духомъ, все же есть частица земли: она приѣмлетъ міръ и живетъ въ немъ, но, живя въ немъ, она часто бываетъ *чужой* другимъ людямъ. Самое существо *въры* дѣлаетъ возможнымъ это *одиночество*. Ни одно слово, возвышенное свыше человека, не утверждало съ такой силой правоту и трагическое одиночество лучшихъ, какъ слово о верховной цѣнности религіознаго переживанія, доступнаго *не всѣмъ*: оно явило пропасть между тѣми, которымъ дано знать тайны Царства, которые рождены для вдохновенія и молитвъ, и — толпой, падкой на осязаемую пользу и суетный блескъ. Духовное свершеніе имѣетъ цѣну до своего воплощенія въ слова и дѣла. Слово

же и дѣяніе получаютъ свое достоинство и свой смыслъ отъ духовнаго акта, въ нихъ явленнаго. Но души, пустынно-мертвые, — развѣ воспримутъ онѣ тайны Духа? Онѣ замѣтятъ, можетъ быть, его внѣшнее убранство и отвернутся отъ его глубины.

Одинокѣ божье дитя въ трезвомъ, дѣловитомъ мірѣ, въ мірѣ холодныхъ интересовъ, безкрылыхъ усилій и резсудочной работы ума... Одинокѣ потому, что по *инымъ* путямъ направляетъ *вѣра* душу человѣка. Тотъ, кто вѣруетъ, ищетъ основу и содержаніе своего бытія не въ своемъ преходящемъ земномъ опытѣ, но въ томъ духовномъ богатствѣ, которое ему открыто единеніемъ съ Божествомъ. Онъ живетъ не своими силами, не своимъ умомъ: онъ вслушивается въ тотъ тайный голосъ, который шепчетъ въ его совѣсти: онъ съ довѣріемъ внимаетъ священной истинѣ, просвѣтляющей его разумъ, и «въ величавомъ уединеніи» бесѣдуетъ съ «оракулами вѣковъ». Какъ дитя, онъ ищетъ наученія въ благой волѣ Отца. Онъ чуждается корыстнаго земного труда, не засѣваетъ полей, не собираетъ возвращеннаго на нихъ колоса, но беззаботно мнетъ цвѣтуціи лугъ своей «бродящей лѣнью». Его мечты уносятъ его дальше земныхъ цѣлей и, когда вѣра подвигаетъ его на дѣла, когда онъ соединяетъ свою судьбу съ земной борьбой многихъ и «единая» цѣль освѣщаетъ ихъ пути — *не одно и то же* дѣло вершится совмѣстнымъ усиленіемъ, и *разные* жребіи ждутъ борцовъ...

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напругали,
Другіе дружно утирали
Въ глубь мощныя веслы. Въ тишинѣ
На руль склоняясь, нагъ кормщикъ умный
Въ молчаньи править грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры посланъ —
Пловцамъ я пѣлъ...

Пѣснь вѣры несетъ пѣвца отъ одиночества къ *избранности*; — мертвое молчаніе души, далекой Богу, приводитъ ее къ *гибели* въ земной бурѣ.

Спасеніе вѣрою исходитъ изъ самаго опыта вѣры. Въ немъ чудно слиты воедино — и порывъ души къ Божеству, и осѣненность ея Его благодатью: душа хочетъ познать, и уже знаетъ: она предаетъ Ему свою волю и уже слышитъ велѣнія:

она любить и уже тѣмъ самымъ любима. *Богъ не покидаетъ своихъ, одинокихъ въ мѣрѣ, отъей.*

Духъ Божій, овладѣвшій душой человѣка, создаетъ въ ней свое царство: устои и законы его отличны отъ тѣхъ основъ, на которыхъ заблудшіе люди хотятъ строить свою жизнь. Въ этомъ царствѣ столько свѣта, что душѣ пронизанной свѣтомъ кажется сѣрымъ все, что не приобщилось ея сіянію: этотъ свѣтъ, который есть излученіе подлинной природы Сущаго, раскрываетъ разуму такую правду о мѣрѣ, передъ которой ненужными становятся мелкія «истины» темныхъ людей. Интересы и заботы, удачи и неудачи «дѣтей ничтожныхъ міра»—теряютъ цѣну для духовно перерожденной души, и она живетъ *надъ* тѣломъ жизни, ему не подвластная. Чуждая мелкимъ желаніямъ и никогда не удовлетворимымъ страстямъ, она становится *неуязвимой* для того, что лишаетъ ее преходящаго блага и невѣрнаго счастья. Когда вихрь разнузданныхъ страстей взмететъ до дна стихію жизни, и рабы конечной мечты, вовлеченные въ бурю, погибнуть въ ней — божье дитя найдетъ себѣ убѣжище въ своемъ царствѣ, предоставивъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Земные вихри, губельные для тѣла и души, немощны передъ вѣчнымъ духомъ: сила его, побѣждая время и овладѣвая естественной смѣной причинъ и слѣдствій, превращаетъ земную стихію въ орудіе Высшей Воли, и гроза, роковая для смертнаго, спасаетъ божье дитя, хранимое тою Властью, что закликаетъ вѣтеръ и море.

Духъ Божій, овладѣвшій душою въ пережитомъ ею актѣ вѣры, дѣлаетъ ее самою *источникомъ* Божіей правды. Ея дѣтское довѣріе къ высшей мудрости преобразуется въ непосредственную очевидность и въ чувство неизмѣнности Божіихъ откровеній. Вѣрная и сильная своей неизмѣнностью, она, какъ и прежде, какъ всегда, поетъ хвалу свѣтлымъ видѣніямъ.

Природа живетъ по законамъ той Силы, которая даетъ ей жизнь и красоту. Душа праведная, сотканная изъ лучей благодати и осознавшая свое единство съ Тѣмъ. Кто посылаетъ ее, *близка природѣ* и влечется къ ней. «Будьте мудры, какъ змѣи и просты, какъ голуби». Спокойно и лучезарно божье дитя поды скалою своей вѣры. Вѣчное солнце горитъ въ его сердцѣ, и, превращая въ невидный царь послѣдніе слѣды налетѣвшей на него бури, даруетъ ему радостное сознаніе своей правоты. Ибо блаженны избранники.

Вдругъ лопъ водѣ
Измятъ съ палету выхоръ шумный...
Погибъ и кормицель и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозною,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ еялою.

Разныя силы направляютъ дѣла человѣка: и силы *души* съ ея думами, страстями и желаніями, и силы внѣшняго, видимаго *міра* вещей.

Но это не все: каждое дѣяніе связано съ *духовнымъ* началомъ жизни: судьбой его вѣдаютъ *вѣчные божественныя законы*, которые тайно держатъ въ своей власти весь міръ.

Трезвые люди умѣютъ познавать только «реальныя условія» своего начинанія, умѣютъ «хорошо» использовать ихъ: но они не думаютъ объ его *духовномъ смыслѣ* и *духовной правотѣ*, не думаютъ до тѣхъ поръ, пока укоръ совѣсти не сломишь ихъ силы, или *неудача* не скажетъ имъ, что надъ ними есть *рокъ*.

А между тѣмъ во всѣ времена мудрецы и подлинныя поэты общаются съ Тайнымъ, и наполняя имъ свои вѣщія слова, учатъ другихъ идти путемъ вѣчной правды, беззаботно и радостно *вѣрять Богу свою судьбу*.

Вѣра есть путь къ знанію вѣчнаго. Въ знаніи вѣчной духовной основы жизни — мудрость: въ вѣрности ей — правота, сила и спасеніе.

Такъ говоритъ величайшій поэтъ, «таинственный пѣвецъ» Россіи, поэтъ, увидѣвшій русскую душу въ ея совершенной красотѣ и явившій въ пѣснѣ ея образъ — мудрый и величавый.

Да услышать своего пѣвца русскіе люди, оглушенные шумомъ земли. Да будутъ мудры ихъ помыслы, величавы дѣянія! И спасеніе -- придетъ.

Наталія Ильина.
